

Забрыкин в тот день бешено приподнялся. Он был нарасхват и деньги плыли из разных сторон. «Сны к прибыли» – добавил он графу в своём сновиденческом дневничке из сморщенной кожи койота. «Сло-но-выи эк-скре-менты» – выводил он каллиграфично, а после подчеркнул красным карандашом.

XVII.

Забрыкин всё запоминал. В детстве – стихотворения, во взрослой жизни – рабочие прибаутки. «Лох – не мамонт, не переведётся», – услышал он от взрослого товарища и тут же вставил к слову в кругу элитных кидал. Там он услышал «разведём как сахар в стакане» – и тут же применил на вечере заслуженных аудиторов. Он был ходячей копилкой афоризмов – тюремных и мажорских. Правда, употреблял их не всегда к месту. Галя запретила ему выражаться в её присутствии, особенно если он сам пытался, что-нибудь сочинить:

– Конь борозды не закопает! Как тебе? – обращается он к Гале и, не дождавись ответа, на скорости продолжает извергать десятки крылатых фраз.

– В одно и то же ухо воду не налить!

– С лежачим не выпить!

– Время летит, а часы стоят!

– Делу – тело, тело – мавзолею!

Это всё изобретения Забрыкина.

– стакан наполовину Пруст, а наполовину монгол!! – смеялся он собственным шуткам.

А Галя зажимала уши и бежала на кухню. Но и оттуда она слышала высокий тенор Забрыкина:

– Мальчики сели в тачку, мальчики поехали в баню, потратили денег пачку на проститутку Валю!

Он любил прикалываться над Галей и частенько доставал её. Она обзывала его необразованной скотиной и подсовывала Пастернака

с Бродским. Забрыкин надевал большие очки, садился в кресло. Галя накрывала его пледом, и он читал, но ничего не понимал из написанного. Однажды, ему запомнилось:

«... на Васильевский остров я приду умирать». Нет. Он не любил эти заскоки Гали, да и читать не любил. Поэтому быстро засыпал, пригретый пледом, с Пастернаком на лице. И даже во сне, он продолжал бормотать: «капля Пастернака убивает кабана».

XVIII.

Забрыкин ел греческий салат. Солнце садилось в море. Кожа чесалась от загара. Забрыкин потел и ел, ел и потел. «Многая еда- многая лета» – это та самая нетленка Забрыкина. Он ел жадно. Долго. Самозабвенно. Да так, что, выходя из-за стола, не замечал, как на бороде мог запутаться вареный рак-отшельник, а в волосах лоза или лазанья. Все, что падало мимо рта он откладывал официанту. Вместо чаевых. Он поторопился одновременно запихнуть в рот устрицу, кусок стейка и грудку вяленой кукушки, да так, что из его пасти вырвался фонтан. Белоснежные греческие туалеты давно не видели такой мозаики...

– Туда не заходи! – сказал он другу боксёру, который час назад был в Питере, а теперь он в Греции и его не пускают в туалет.

– Иди в соседний.

Забрыкин тщательно вымыл руки и как ни в чём не бывало вернулся за свой столик. Официант принёс счёт на подносике, где были две белые конфетки. Забрыкин обрадовался и сунул конфетки в рот.

– 0!! Рюсский – сила! – сказал ему на ломаном русском грек. Забрыкин застеснялся и полез целовать Галю.

– Ты пахнешь как мой отец в детстве! – сказала она ему ласково и услышала в ответ гулкое урчание – то ли в животе, то ли в сердце Забрыкина.

XIX.

Забрыкин любил шоу толстяков Ивана Топтуна. На его взгляд там были лучшие шутки. В огромном телевизоре огромные толстяки делали приседания и худели за короткий срок. Забрыкин запасался едой и глазел. В одном из выпусков толстяк из Воронежа похудел за три месяца – ел только свёклу. Это запало в мозг Забрыкина.

– Галя, купи мне отборной свёклы! Я буду худеть, – решительно сказал Забрыкин, засыпавшей на его животе женщине...

– Ты кого-то убил? – заорала Галя, увидев Забрыкина всего в крови. Забрыкин, действительно, был весь красным, а на волосах болтались прилипшие ошмётки...

– Угу, – пробормотал Забрыкин и включил миксер.

Алый фонтанчик вырывался из посуды, заплёвывая все вокруг. Забрыкин оскалился – зубы были красными, как будто он только что откусил голову летучей мыши.

– Галйййяяя, – сказал Забрыкин, изменив голос как в фильме ужасов, выставил руки вперёд и пошёл на неё. – Я пытаюсь похудетьттттттть – хрипел он.

– А, ну да – смиренно села на табуретку Галя.

Забрыкин готовил себе свёклу каждый день, а потом бежал к весам в ванную комнату. Смотрел на свой живот в большое зеркало, хлопал по нему и ругался. Прошла неделя поедания свёклы. Забрыкин ходил мрачный и со всеми перессорился. И тогда коллеги решили скинуться и купить ему утягивающий пояс из свекольной ботвы, разработанный по последним технологиям в Осколково.

XX.

Забрыкин ухаживал за своими волосами. Он заказал себе специальный крем, который надо было втирать в корни волос. В состав входили хоботки муравьёв и перемолотые лапки мухи цеце. Элитная косметика – прямо с австралийского острова Уитсанди в специальной цинковой упаковке. После мытья волосы действительно становились пышными. Он не разрешал никому

пользоваться этим чудо-кремом. Даже Гале. Он прятал средство в шкафчик и закрывал его на ключик, а ключик хранил в клюве чучела птички-коноплянки. Однажды, он забыл спрятать крем. Он лежал на видном месте, на краешке раковины. Там же лежали другие приамбасы, не менее дорогие шевелюре и сердцу Забрыкина.

Среди них был крем для пяток, созданный алхимиками-диссидентами в лучших традициях альтернативной медицины – на основе редких ядов.

Забрыкин выдергивал брови и волосы из носа, и вместо своего любимого крема для волос, втер в голову тот самый крем для пяток. Что тут началось... У Забрыкина образовалась не просто экзема, а землетрясение локального характера... Щеки покрылись багровыми пятнами, в глазах защипало, словно туда выжали столовую ложку лимона.

– Тебе поможет хозяйственное, природное мыло от «Дяди Самсона», – быстро отреагировала на вопли Забрыкина Галя, протянув в приоткрывшуюся дверь зловонный обмылок. Забрыкин поморщился, но помылся. Смыл пяточный крем и коже стало, действительно, легче. Лишь под мышками остались слабокоричневые пятна, очертаниями походившие на африканский материк.

– Галя! Ты меня спасла! За это я разрешаю тебе пользоваться моим кремом!! – радостно буркнул Забрыкин, переживший за одну секунду клиническую смерть кожных покровов.

XXI.

Забрыкин медленно и смачно шевелил носом. В комнате горел свет. На стене плясали тени, отбрасываемые лампой Тиффани. За окном гудел сигнализацией площадный Питер. Забрыкин принюхивался к сложной ситуации. Он лежал как обычно под мокрой простыней и охлаждался. Изрядно побегав по плодоносным делам, он обливался потом и внутренне горел. Ситуация была сложной. Практически безвыходная.

– Чую носом гарь на кухне!

Забрыкин вскочил и вихрем вылетел из комнаты. Мексиканский кофе, оставленный на плите, уже дошёл до стадии «проснувшийся вулкан» и залил кофейной лавой всю плиту. Этот кофе Забрыкин привез из Бангкока. Он ездил туда по делам, но в какой-то момент они стали для Забрыкина ширмой. Он нашёл себе тайскую толстушку, которая обещала ему фиктивный брак. Забрыкину нужен был вид на жительство в Бангкоке. Уж слишком он привязался к местным майским консервированным червячкам. Тем более они были приготовлены на соевом масле, припущены коленками кузнечиков и сушили быстрое похудение и восстановление потенции. Так обещала тайка Уходжо. Галя нашла фотографии, где Забрыкин обнимал толстушку и на время ушла от него.

– Здоровье и бизнес, – сказал ей на прощание Забрыкин. – Через год ты меня не узнаешь!

Забрыкин лёг под простынь, достал сушёного червячка с лапками и откусил ему голову. Запил горелым кофе и стал водить носом.

– Ведь в каждом порту меня ждёт баба, – мечтательно подумал Забрыкин и заснул. За окном что-то взрывалось, летало, визжало. Но ничто не могло пробудить Забрыкина. А его совесть тем более.

XXII.

Забрыкин легко оделся для ноября. На нем была лишь австралийская жилетка с мехом коалы, майка Армани и шлёпанцы из скандинавской пробки. Он шёл мимо труб завода «Скороход». «Вся власть народу!» – обрушилась на него алая вывеска. Он прибавил шагу и дошёл до Красного Октября. Здесь он остановился и подумал, а не зайти ли ему в пельменную «Три поросёнка», которую держал Вася Лысый. Забрыкин сам не понял, как оказался за столиком – с флагом СССР, вместо скатерти. Тут же возник Вася из чёрной двери, над которой висела морда лося, с голым, накаченным торсом, в кожаном фартуке. Вася наклонился и сказал:

– Шеф? Как обычно?

– Да, пожалуй! Только водки не носи, у меня изжога.

Забрыкин ел всегда ложкой – вилки он презирал с детства. Лысый знал об этом и принёс ему тарелку пельменей и ложку. Забрыкин был любимым посетителем Васи. У них с детства был контакт. Вася сидел в малолетке за кражу партии париков, предназначенных чешскому правительству, в то время, когда Забрыкин продал свою первую гоночную машинку. Забрыкин побаивался Лысого, но в пельменную ходил. Вообще Забрыкин был смелым, он даже на медведя ходил с одной бейсбольной битой. Неизвестно, чем снаряжал свои пельмени лысый – мог запросто и человечинкой.

Забрыкин это знал, но старался не думать.

– Ты чо так легко одет? – спросил Лысый.

– Я закаляюсь! – пошутил Забрыкин.

– Понимаешь, горю я... внутренне! Нечем потушить пожар любви! – Забрыкин был сентиментальным мужиком, и Вася это знал:

– Вот тебе студень. Отведай...

Они долго сидели. Вспоминали школу. Лысый то и дело сморкался, а когда вспомнили походы к юной алкоголичке Потаповой – даже заплакал. Забрыкин шёл мимо «Скорохода» – сытый, уставший, не ведающий, что у него в животе бурлил подельник Лысого – Аркаша Казематный. На душе было легко и радостно. А Вася, сидя на заводской трубе, ещё долго махал во след школьному товарищу скатертью-флагом.

XXIII.

Галю поразил тунгусский метеорит.

Она заказала себе веточку с поваленной ёлки в районе катастрофы.

Забрыкин обязался переводить на счёт фирмы «Седой Мамонт и Ко» 700 евро ежемесячно. Ветка пришла в сколоченном из дубовых

досок ящике, с цинковым покрытием: «от радиации» – было написано в сопутствующих бумагах.

– Чо нам радиация! – прошепелявила Галя.

Забрыкин приклеил важную информацию в туалете.

Затем ножичком поковырял ящик и содрал лабораторную пломбу, вскрыл его.

В прозрачном пакетике лежала обгорелая веточка.

Галя поставила её в вазу Дефойской династии и украсила яйцами Фаберже. Поставив композицию в центр комнаты, она захлопала в ладоши, гремя перстнями.

– Шовременное ишкштво! – гордилась она своей идеей.

Вдруг, ветка зашевелилась, распушилась, иголки стали расти, а от яиц Фаберже пошёл зелёный дым...

– Забери меня в Непал. – все, что смогла сказать Галя и кажется, перестала шепелявить.

– Забрыкиииииин!!!! Иди сюда!!!!

– Что случилось, Зочка моя? – когда Забрыкин был встревожен, он звал Галю – Зоей.

– Ссссаша сссссела на шоссе и ссссказала – ссссууушка!

– Чо это с тобой?

– А ты ничего не замечаешь?

– Нет! А что?

– Ссссссолнечный круг, Сссссиний вокруг, это риссссунок Пикасссо!

– Дусечкаааа! Ты меня пугаешь, – когда тревога Забрыкина переходила в страх, он называл Галю – Дусей.

– Я! Перестала. Шепелявить!!!!

Да ты фтоооо????

– Ой. Зато теперь, ты... начал...

Галя стала бегать вокруг Забрыкина, периодически резко набрасываясь на него и пугая, как обычно делала при его икоте,

длящейся иногда до трёх часов.

Ничего не помогало.

Тогда она решила позвонить эксперту по аномальным хвойным явлениям Лукомскому и пригласить его на ужин, а заодно разобраться с ними двоими.

– Добрый день! Степан Бахранович? Это Галя! Что значит «какая ещё Галя»? Ну как это... Мы вместе ходили на курсы «Эзотерическая диета как астральный путь к себе». Не узнали? Аааа... это. Ну да. Я больше не шепелявлю... Вот об этом я и хотела вам рассказать. Приезжайте! Ждем!

– Через час раздался звонок в дверь.

На пороге, в химзащитном костюме салатового цвета, стоял эксперт.

– Я сдразу понял в дчём дело, – орал он через кислородную маску. – Есть дли в доме, предметы, приведзённые из мест падения тунгудского метеорита?

– Вот... – сказала Галя, показывая на продолжающую расти еловую веточку, усыпанную яйцами Фаберже.

– Так я и думал. От неё надо срочно избавиться, – сказал Лукомский, схватил ветку и выбежал из квартиры.

– Шлава богу. Мы шпашены, – сказали хором Галя и Забрыкин и обнялись.

XXIV.

Забрыкин чесал ногу. Сел поудобней и чешет. И никакие проблемы мира его не беспокоят. Он проткнул колесо, а ему всё равно. Он чешет ногу. Отключили свет и газ. А он чешет ногу. Паспорт выпал из окна. А он чешет ногу. Есть люди, которые чуть что пошло не так – пьют таблетки. В лифте не поздоровался глухонемой сосед – стресс-таблетка. В магазине очередь из трех

человек – стресс-таблетка.

А Забрыкин был не такой. Чуть что – он начинал чесать ногу. Вот и сейчас сидит да наяривает. Расчесал уже до крови. Но продолжает бороздить по своей дубленной коже нестриженными ногтями. Да кайфом, да с причмокиванием.

Уже красные полосы полыхают, но не сдаётся Забрыкин. Чешет. Зашёл к нему Цоцкин:

– Важное дело есть. Надо обсу... , – начал было он, пока не увидел яростно чесавшегося Забрыкина.

– Оооооооо! Ааааааа! – заорал в экстазе в ответ Забрыкин.

– Я по-по-позже зайду, – сказал Цоцкин и, хлопнув дверь, ушел ни с чем. А Забрыкин дальше: жмык, жмык. И уже сам думает: «Это уже ненормально!» Думает и продолжает.

– Галяяяя – прохрипел он, – подойди!

Пересел в кресло, сел поудобней, чтобы достать до щиколотки. А то ведь все это время стоял, облокотившись на дверь.

– Галяяяя, ну ты где?

А Галя знала, что уж лучше пусть он исчесется. Потому что за этим занятием его посещали только хорошие мысли.

– Идуууууууу – наконец-то прогудела она из глубины кухни. Забрыкин устал чесать ногу. Прошло восемь часов чесания и сидения на одном месте. Зуд не кончался. Но через мгновение он прекратился. Забрыкин встал с кресла и чуть не упал. Нога не двигалась. Её как будто грызла собака.

– А вот и яааааааааааа! – появилась спустя час Галя.

– Вот тебе мазь индейского вождя с Полинезии.

Забрыкин помазал и как начал скакать. За один прыжок он умудрился уронить шкаф – задел его пузом, и сорвать люстру. Когда бешенство закончилось, а вся мебель лежала как дрова, Галя включила вентилятор и направила на ногу.

XXV.

Забрыкин блестяще провёл выходные. На нём была курточка из кожи серебристого морского ската с крокодиловыми заплатками на локтях. Он был похож на дискотечный шар. Он хаотично крутился вокруг своей оси, выпучив глаза. Отдав всем ноги, он оказался в вакууме, непривычном для многолюдного клуба. В радиусе трёх метров – ни души. Он чувствовал себя звездой. Нет, он ничего не принимал. Лишь выпил коктейль «Мандраж». Впервые, он его попробовал в Швеции. После чего долго накидывал воображаемое лассо на воображаемого зверя. Вот и сейчас он исполнял странный танец. Прямо-таки завораживающий: ножку в сапожке Худо Босса он поднимал в колене, а потом ее резко выкидывал вперёд, вертелся на кованных мысочках и делал неприличные жесты в сторону игроков баскетбольной команды. Но он был своим в этом клубе и ничего не страшило Забрыкина.

Он танцевал как русский мужик, впервые оказавшийся в Мексике с такой же основательной дурью, с которой делал всё и всегда. За весь день он съел лишь вишенку с торта и больше ни-че-го. В три часа ночи у него забурлило в животе...

– Мужик, отойди! От тебя исходят звуки, – отпрянули баскетболисты и даже дружно пересели за барную стойку.

Забрыкин пытался заглушить эти внутриутробные звуки и начал бить исступлённо себя в живот. Все это кончилось бы плохо, не поспей к нему на помощь кудрявый карлик с беконом на подносе. Забрыкин так вцепился в мясо зубами, что крокодильи заплатки на локтях лопнули, а кожа курточки наэлектризовалась и стала бить всех током. В челюстях Забрыкина хрустело, живот издавал переваривающие звуки, а скат словно ожил и начал мстить... Вдруг, на Забрыкина направили яркий свет, и он заблестел с ещё большей силой.

– Ю мэйд май дэй! – сказал американский трансвестит в юбке из снежного барса.

– Ю ар вэлком – сказал Забрыкин и сел на шпагат.

Забрыкин хотел было уйти, но остался. Парафиновая свеча из революционных запасов деда ещё долго горела в ночи, отбрасывая на стене тень горбатого великана. Высоковольтные мачты гудели. В скулах Забрыкина росло напряжение. Где-то вдали шёл паровоз. На пристани кричали чайки и бабы. Забрыкин ушёл бы в синюю даль зеленоватых ступенек, умчался бы на первом трамвае, но он решил остаться. Остаться среди марокканских обоев, засыпая на кушетке из арабского жеребца. Он остался по причине. Его глаза то и дело закрывались, он обмякал и ему снилось фигурное катание по Первому каналу. Затем он пробудился. Зажег кальян. Аромат африканского гашиша раздался по всей комнате...

Забрыкин не любил мстить. Его нервная система напоминала трансформаторную будку. Он принимал удары судьбы на себя и перерабатывал в позитивную энергию. Вот и сейчас ему очень хочется уйти, но он остаётся. Идёт наперекор судьбе. Забрыкин подошел к буфету из красного баобаба, достал оттуда флорентийский стакан и налил кефир «Калинка». Затем снова возлёг, сделал затяжку и выдохнул. Дым узорами побрёл по комнате, расплываясь прозрачными фигурами. Как же ему хотелось уйти. Но он оставался вновь и вновь. Забрыкин залпом выпил кефир. Поставив опустошённый флорентийский стакан на столик в форме индийского слона, он стал наблюдать, как кефирные дорожки стекают по стеночкам.

«Это знак! Пора уходить!» – подумал Забрыкин и остался снова. Гудели высоковольтные мачты. Где-то шёл паровоз. На пристани кричали одинокие бабы.

XXVII.

Забрыкин забрался на дерево.

Долго он полз, ломая сучки. А в итоге оказался на самой макушке ели. Он сел на ветку и начал раскачиваться взад-вперёд. Дерево слушалось, податливо нагибалось в разные стороны.

– Брысь-брысь, – кричала ему старуха Претцерь. А он качался,

не обращая ни на кого внимания. Да ещё свободной рукой почёсывал бороду.

Забрыкин всегда перед новым годом забирался на дерево, и сейчас, держась за хвойные лапы ели, он рьяно раскачивался, чем пугал ворон и остальную птицу. Его красную куртку, из мягкой перчаточной кожи – было видно за несколько километров. Лесник Отрубьев даже хотел вызвать пожарных, решив, что ель в огне.

Но манжеты белой рубашки, торчавшие из алых рукавов, подействовали на Отрубьева успокаивающе.

Карманы жёлтого Леви Страуса оттопыривали экзотические цитрусовые плоды «рука Будды». Белые ботинки с чёрной подошвой легко можно было принять за двух упитанных сорок.

Он всегда тщательно одевался перед тем как забраться на дерево. Дерево он выбирал всякий раз разное.

Вот сегодня он забрался на ель возле ресторана «Зелёная тоска», где его ждали дольщики. В самый разгар сделки, он сказал им:

– Мне надо качнуться туда-сюда. Скоро вернусь.

Дольщики Тумпель и Кукушкин уважали заскоки Забрыкина. Тумпель даже посадил Забрыкина.

Тот стоял у него на плечах – ведь он с трудом дотягивался до первой ветки.

– Достаточно! Дальше я сам! – сказал Забрыкин Тумпелю и с ловкостью Бельмондо полез вверх.

Но Забрыкин за эти годы растолстел нешуточно и спускаться вниз было уже проблематично.

Тогда он позвонил Кукушкину на мобилу, но тот что-то увлечённо рассказывал Тумпелю. Пришлось Забрыкину кинуть в него «рукой

Будды»:

– Давай, вызывай пожарных! – деловито буркнуло эхо Забрыкина очнувшемуся Кукушкину. – Мне отсюда не слезть.

Проговорил Забрыкин и тут же свалился с дерева.

– Я норм. – сказал он ошарашенным Тумпелю с Кукушкиным. – Можно приступать к делам.

Меж тем, Лесник Отродьев, отложив бинокль, взял паспорт и исправил свою фамилию на «Нострадамус».

XXVIII.

Галя пила томатный сок.

Она всегда заказывала томатный сок, когда хотела купить бриллиант. Это был ее тайный язык.

Забрыкин не был душным, но заказал ящик томатного сока из брейдсбери. Так он экономил на бриллианты.

– Бриллиант, бриллиант, бриллиант! – бегала как ошпаренная Галя.

Забрыкин важно доставал бутылочку сока и давал ей. Она медленно пила его и уже мыслила другими категориями. Каратами.

У Гали была своя система намёков.

Например, перед покупкой мехов она жаловалась на низкий гемоглобин и отсутствие манго в её рационе, мол «опять упал»... А дальше можно было не продолжать. Забрыкин мчался на Невский в меховой салон «Красная книга».

Если у Гали заканчивалась помада, она просила клюкву в сахаре, после чего следовала закупка наборов Кристиан Диора, которых хватило бы на 14 пар губ.

– Забрыыыыкин!!! У нас кончились гвозди!!!! – хозяйственно

подмечала Галя, подразумевая «туфли».

И только черную икру она загадочно маскировала под «милый, у нас кончилась нефть».

Однажды, когда она обронила эту фразу на важном приёме, посол Туниса поперхнулся плавником летучей рыбы и от ужаса стал ходить на руках, а затем крутить колесо по всему залу. С тех пор все его стали звать за глаза – «посол Тунца».

И вот сейчас, Галя пила седьмой стакан томатного сока.

Забрыкин переводил стаканы в караты и понимал, что Галя «напила» на целое колье... И маленькое колечко.

Ибо в этот момент Галя сделала первый глоток уже из восьмого стакана и тут же уснула прямо за кухонным столом, предусмотрительно застеленным плюшевым пледом.

XXIX.

Забрыкин ломал стереотипы, как игрушечные машинки.

Войдет в роль Ивана Грозного, потрясывая бородой с капустой, а выходит из неё математиком Перельманом.

Во власти одной роли он мог находиться целых трое суток.

Правда, цыганским бароном он проходил пять дней. За это время он спустил все деньги фирмы, украл коня с Аничкова моста и чугунную цепь с Английской набережной.

Нищим с паперти он продержался не более суток. Мэр Санкт-Петербурга приехал осветить свой новый лимузин в храм, Забрыкин бросился к нему за подаянием, а тот возьми да наступи на накладную бороду псевдопопрошайки. Охрана мэра подхватила Забрыкина и вынесла за церковные угоды на «разговор».

Больше всего Забрыкин любил обряжаться в облегающие штаны от Версаче и чёрную водолазку с надписью: «Я весь от Гуча, а ты говна куча». Оставляя машину за углом, он прохаживался так

возле Гостиного двора – туда- сюда.

Его часто били. Особенно когда он одевался как индийский гуру и пытался продать райские кущи.

Вот и сейчас он получил под дых от черносотенца Михеева. Забрыкин ясно понимал, на что идёт и был готов к ударам. Он лежал в невской луже и корчился от боли.

А Михеев пинал его ногами в кирзовых сапогах.

– ИАТ-ХУ-ДО-КУЛАК-МАНТУГО- в экстазе провыл Забрыкин мантру, отпугивающее физическое насилие. – Я – индийский маг! – добавил он, явно кайфуя.

– Русь для православных! – шипел Михеев.

Забрыкин еле дошёл до своего последнего BMW, сел на продавленное от веса сидение и посмотрел в зеркальце.

– Однако... Удачный выход, – сказал он, сплевывая кровь в парфюмированную влажную салфетку «Живанши».

Прямо в машине он переоделся в комплект от Честерфилд: в твидовое пальто, брюки цвета прелого персика, носки в кофейный ромб, рубашку с алмазными запонками и замшевые туфли.

Он отыскал Михеева, что было несложно.

Ведь тот распространял листовки возле гостинки.

Михеев не узнал в лондонском крупногабаритном денди избитого час назад индийского мага.

Проходя мимо Михеева, Забрыкин сунул ему сто баксов.

– За что? – не понял тот и, поджигая на ходу листовки, отправился в трактир «Бледный опричник». Забрыкин вернулся к машине и трясущимися руками её еле завёл.

Он был счастлив. О его тайных походах никто не знал, кроме

хозяина секунд-хенда Гордея Шлюшкинса.

XXX.

Забрыкин любил Рождество. У него был пунктик – новогодние гирлянды. С треугольными, выпуклыми, прозрачными и матовыми лампочками: в форме сердечек, бабочек, пингвинов и пр.

Но самыми любимыми были нервно мигающие – то абсентно зелёным, то муленружным красным, – стеклянные танцовщицы варьете.

У него была огромная коллекция гирлянд.

Ими можно было бы обмотать медного всадника.

На Рождество он ел утку, которую готовил и подавал на стол сам.

То, что к столу сейчас будет подана утка – было видно издалека, ибо её он так же обматывал лампочками и нес по длиииинному коридору торжественно и медленно.

Лампочки, сделанные на заказ в одной старинной лондонского стеклодувной мастерской, нежно мерцали, подчёркивая аппетитные формы дичи.

За уткой он ходил в заповедник и хаотично палил из английского ружья. На третий выстрел утка, обычно, сама летела на Забрыкина.

На охоту он надевал генеральские валенки и дублёную жилетку из скандинавского хорька.

В этом же виде, не переодеваясь, он развешивал в своей двухэтажной квартире километры гирлянд.

Даже туалет Забрыкина сиял в Рождественскую ночь, как звёздное небо.

Вот он сейчас сидит на белоснежном фарфоре с подсвеченным сливным бачком и рассматривает украшения, обмотанные вокруг

батарей.

И тут он вспоминает про кофе на плите!!

И со спущенными штанами бежит – «чпок чпок вших вших»...

Забрыкин верил, что в рождественскую ночь произойдёт что-то необыкновенное.

Он слюнявил марки и писал письма:

«Дорогой Пупок! Будь богатым – как я! И не завидуй!».

«Дорогой Шлюхкенс! Найди бабу своей мечты – как у меня! И не завидуй!»

«Дорогой Вова! Не будь грустным, а будь груздным! Как я! И не завидуй!»

И т. д.

Забрыкин, наконец-то переоделся. В джинсах Пепе Джонс сильно топорщился задний карман. В нём лежала коробочка с кольцом для Гали.

– Галя, – сказал он торжественно ей в семь часов за поеданием утки, – будь моей женой!

Галя присела к Забрыкину на коленки и засунула руку в жилетку.

– Это тааак романтично!! Мой прадед тоже женился в Рождество во Львове!

Вот тебе колечко оно непростое, а с микрочипом. Теперь я буду всегда знать, где ты находишься.

(Окончание следует)... Powestler